
ИСТОРИЯ

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА НА ФОНЕ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ (1861–1917)

*Ханин Григорий Исаакович –
д.э.н., профессор, Новосибирский
государственный технический
университет, Сибирская академия
государственной службы*

1. Исходный уровень

Несмотря на колоссальное количество отечественной и зарубежной экономической литературы по истории российской экономики после отмены крепостного права и высокое качество части этой литературы, в анализе этого вопроса сохраняется немало белых пятен. Они касаются не столько фактов (хотя и их тоже), сколько их интерпретации. Не хватает комплексной оценки этого состояния. По-прежнему животрепещущим является вопрос о том, в какой мере Октябрьская революция была обусловлена состоянием российской экономики.

Для обоснованного анализа необходимо принять во внимание ее исходный уровень и потребности российского государства и общества. Они характеризовались к началу анализируемого периода острейшим несоответствием этих двух составляющих. Экономическое и особенно культурное отставание России от соперничавших с ней в геополитическом отношении западных стран складывалось столетиями. Достаточно сказать, что первый университет в Западной Европе (Болонский) появился в середине XII века, а в России только в середине XVIII века (МГУ), когда их были десятки не только в Западной Европе, но и во многих странах Восточной Европы. Это позволяло западным странам совершить научный, технический и экономический рывок, когда для этого создадутся необходимые социально-экономические и политические условия. Так и случилось после начала промышленной революции в середине XVIII века, сначала в Англии, а затем, в первой половине XIX века, и в других странах Западной Европы. С этого времени относительно ограниченное экономическое отставание России от Запада стала быстро усиливаться. Так, по расчетам П. Бэйрока, еще в 1830 году душевой ВНП России отставал от английского лишь в два раза (176 и 346 долларов в долларах США 1960 года), а в 1860 году уже более чем в 3 раза (178 и 558 долларов)¹ в результате практического застоя в душевом ВВП России между 1830 и 1860 годами при значительном росте английского. Однако значимость разрыва в душевом ВВП с западными странами к 1860 году была значительно боль-

¹ Paul Kennedy. The rise and fall of the Great Powers. New York, 1987. P. 171. Приводимые здесь и далее разнообразные расчеты ВВП того периода для России и других стран носят, конечно, примерный характер.

ше. Только для поддержания жизни и трудовой деятельности требуется определенный уровень потребления материальных благ. В России он был больше, чем в Западной Европе, из-за более сурового климата. К тому же из-за чудовищного разрыва в доходах высших и низших слоев населения в России низшие слои получали во много раз меньше благ, чем высшие. Следовательно, на цели экономического и культурного развития, а также на оборону (на которой нельзя было значительно экономить) оставалось совсем немного ресурсов. Отсюда и крайне медленный экономический рост, и убогая, даже по западным меркам того времени, транспортная, культурная и социальная инфраструктуры. К сожалению, отсутствуют расчеты структуры конечного ВВП в 1830 году в России. Однако медленный рост ВВП в 1830–1860 годы в России и низкая доля расходов на образование и здравоохранение в ВВП говорят о незначительной доле накопления физического и человеческого капитала в ВВП в России в этот период. Возможности увеличения этой доли за счет ограничения чудовищных доходов верхних слоев населения блокировались царским режимом². Правда, этот чудовищный разрыв существовал в этот период и в западных странах, но его влияние на экономическое и культурное развитие умерялось более высоким душевым ВВП и более мягким климатом.

Для оценки уровня доходов основной части населения в начале анализируемого периода переведем душевой ВВП из долларов 1960 года в доллары 1990 года, воспользовавшись индексом изменения покупательной способности доллара по потребительским товарам, который с 1960 по 1987 годы снизился в 3,92 раза³, а с учетом среднегодового роста потребительских цен в 1986–1987 годы (3,5%)⁴ был в 1990 году в 4,31 раза ниже, чем в 1960-м. Следовательно, среднедушевой доход в 1860 году в ценах 1990 года составил 767 долларов США. А весь ВВП при населении Российской империи в 1858 году, равном 74,5 миллионам человек⁵, и годовом приросте в 1867–1897 гг. примерно 1,54%⁶, – что дает оценку в 77,3 миллиона человек на 1860 год, – составил в долларах 1990 года 59,3 миллиарда долларов (767×77,3 миллиона). Для оценки уровня доходов основной части населения в 1860 году воспользуюсь (из-за отсутствия данных для этого года) подсчитанным мною распределением национального дохода в 1904 году, предполагая, что оно в этот период существенно не изменилось и что распределение национального дохода и ВВП было одинаковым. Согласно этим подсчетам, на долю 10% богатейшей части населения пришлось 72,5% нацио-

² Об огромном разрыве в доходах населения в период правления Екатерины II говорилось в: Ханин Г. И. Экономика и общество в России в период правления Екатерины II: прогресс или застой // Вопросы статистики. 2011, № 4, с. 70.

³ Statistical Abstracts of the US. 1989, p. 462.

⁴ Ibid, p. 464.

⁵ Миронов Б. Н. Социальная история России. Том 1. М., 2000, с. 20.

⁶ Там же, с. 23.

нального дохода⁷, а на 90% населения пришлось, следовательно, 27,5%. Тогда объемом ВВП этих 90% населения составит 16,28 миллиарда долларов, а на душу населения (16,28 млрд. долл. / 69,6 млн. чел.) = 234 доллара в год, или 0,64 доллара в сутки. Позднее ООН приняла в качестве уровня бедности, как известно, 1 доллар в сутки. Таким образом, 90% населения России в этот период жило намного ниже уровня бедности. Ни о каком накоплении у этой части населения не могло быть и речи. В то же время богатейшая часть населения основную часть своих доходов тратила на роскошное потребление. Для целей наращивания физического и человеческого капитала средств почти не оставалось. Правда, в 1800 году отставание России от остального мира по душевому ВВП было еще невелико⁸, но она не имела ресурсов для его существенного роста, в отличие от большинства европейских стран и США. Между тем потребности в таком расширении были колоссальными. Надо было наверстать упущенное в предыдущий период, можно сказать – столетия, время для укрепления страны. Поэтому реальные успехи в экономическом, культурном и социальном развитии необходимо рассматривать через призму этой задачи. Самая большая в мире по территории страна не могла себе позволить быть слабой в конфликтный XIX век, даже если непосредственные опасности казались долгое время небольшими. Уже Крымская война показала огромную уязвимость России перед сильными противниками. Только огромные разногласия между Англией и Францией спасли ее тогда от более значительных территориальных потерь и военного унижения.

2. Экономический рост и структурные изменения в 1860–1913 гг.

Отмена крепостного права обеспечила, как будет показано ниже, ускорение экономического развития России и прогрессивные изменения в структуре ее экономики, повышение образовательного уровня населения. К сожалению, российские экономисты почти ничего не сделали для количественного измерения темпов экономического роста в России. Поэтому приходится прибегать к оценкам западных ученых, не всегда, возможно, достаточно обоснованным. Наиболее обоснованными и, в сущности, пока единственными для этого периода являются оценки американского экономиста Пола Грегори для периода 1885–1913 гг. Гораздо хуже обоснованы оценки за предыдущий период, и тем более за период до отмены крепостного права, с которыми приходится сравнивать.

Влияние отмены крепостного права на динамику ВВП и душевого ВВП в России в сравнении с крупнейшими европейскими странами показано в рассчитанных мною по относительным данным таблицах 1 и 2.

⁷ Ханин Г. И. Дифференциация доходов в дореволюционной России // Вопросы статистики. 2010, № 3, с. 78.

⁸ Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. XIX–XX век. СПб., 1998, с. 142. Рязанов опирается на расчеты душевого ВВП Ф. Броделем.

Таблица 1

**Объем ВВП в крупнейших европейских странах в 1830–1890 гг.
(млрд. долл. США в ценах 1960 года)**

Страны	1830	1860	1860/1830	1890	1890/1860
Россия	10,5	14,4	1,37	21,1	1,46
Франция	8,5	13,3	1,56	19,7	1,48
Британия	8,2	16,0	1,95	29,4	1,83
Германия	7,2	12,7	1,76	26,4	2,07
Австро-Венгрия	7,2	9,9	1,37	15,3	1,54
Италия	5,5	7,4	1,34	9,4	1,27
Итого	47,1	73,7	1,98	121,3	1,64
Россия в % к итогу	22,9	19,5		17,3	

Исходные данные: Paul Kennedy. The rise and fall of the Great Powers. New York, 1987, p. 171.

Примечание: П. Кеннеди заимствовал данные у П. Байрока.

Как видно из таблицы 1, после отмены крепостного права экономическое развитие России ускорилось, хотя и незначительно. Вместе с тем, относительное место России в рассматриваемый период непрерывно ухудшалось, и отмена крепостного права только замедлила этот процесс. Если в 1830 году Россия занимала в силу самого большого населения 1-е место по объему ВВП среди 6 стран Европы, то в 1860 году – 2-е место, а в 1890 году – третье. По темпам роста ВВП в последнем периоде Россию опережали все страны Европы, кроме Италии. Необходимое (и возможное) повышение роли России в европейской экономике еще более отдалилось. Обратимся к душевому ВВП в тех же странах.

Таблица 2

**Душевой ВВП в крупнейших странах Европы в 1830–1890 гг.
(долл. США в ценах 1960 года)**

Страны	1830	1860	1850/1830	1890	1890/1860
Британия	346	558	1,61	785	1,41
Италия	265	301	1,13	311	1,03
Франция	264	365	1,38	515	1,41
Германия	245	354	1,45	537	1,52
Австро-Венгрия	250	288	1,16	361	1,25
Россия	170	178	1,05	182	1,02

Исходные данные: те же, что в таблице 1.

Как видно из таблицы 2, по душевому ВВП все годы Россия занимала среди крупнейших европейских стран последнее место, далеко отставая даже от наиболее отсталых среди них: Италии и Австро-Венгрии. И это отставание быстро увеличивалось. На протяжении 30 лет после отмены крепостного права душевой ВВП в России практически оставалось на одном месте. Душевой ВВП России в 1860 году был самым низким во всей Европе⁹, и это положение не изменилось к 1890 году. Абсолютное отставание России, например, от Британии выросло со 176 долларов в 1830 году до 380 долларов в 1860 году и 603 долларов в 1890 году. Обращает на себя внимание, что в 1890 году душевой доход России был намного ниже, чем у передовых европейских стран в 1830 году. Сталин, не зная ни о каких расчетах душевого ВВП, которых тогда не было за длительную ретроспективу, в 1931 году очень точно, тем не менее, сказал об отставании России от передовых капиталистических стран на 50–100 лет.

Понятно, что при столь медленном экономическом росте возможности России по расширению образования, здравоохранения, культуры и даже обороны были очень невелики, хотя прогресс в этих областях и наблюдался. Но он был весьма ограниченным. Отставание от ведущих стран Европы и США в этих областях росло. Военное столкновение с такой довольно слабой страной, как Турция, в 1878 году выявило огромные недостатки России в военной и экономических областях. Первый период послекрепостного развития России оказался малоуспешным, напоминая этим двадцатилетний период развития капитализма в постсоветской России, который был еще менее успешным в отношении роста ВВП и душевого ВВП.

Если в отношении оценки периода 1860–1890 годов разногласия среди российских и зарубежных экономистов невелики, то последующий период многими экономистами расценивается в высшей степени положительно, нередко даже восторженно. Он интерпретируется ими как результат достижения российским капитализмом зрелости после периодов детства и юности с присущими этим периодам недостаткам. Поэтому на анализе данного периода остановлюсь более подробно. Для этого периода, благодаря трудам Пола Грегори, имеется более надежная и развернутая статистика. Основные макроэкономические результаты развития российской экономики в этот период представлены в таблице 3.

⁹ Там же, с. 148, со ссылкой на расчеты Байрока в статье: Bairoch P. Europe's Gross National Product 1800-1875 // The Journal of European Economic History. 1976, vol. 5, № 2, p. 297.

Таблица 3

**Ежегодные темпы роста ВВП и основные факторы этого роста в России
в 1885–1913 гг. в %**

Периоды	ВВП	Занятость	Физический основной капитал	Общая про- изводитель- ность факто- ров произ- водства	Доля фак- торной производи- тельности в росте ВВП
1885–1900	3,5	1,4	3,5	1,2–1,3	34–37
1900–1913	3,2	1,8	4,3	0,4	12–13

Источник: Мельянцеv В. А. Россия за три века: экономический рост в мировом контексте. Общественные науки и современность. 2003, № 5, с. 86.

Очевидно, что в 1890–1913 гг. экономическое развитие России было более успешным, чем в предыдущий период. Прежде всего, ускорились темпы роста ВВП. Если в 1860–1885 гг. в среднегодовом исчислении они составили 1,7%¹⁰, то в этот период превысили 3%. Для данного периода развития мировой экономики разница существенная – но отнюдь не рекордная. Вполне сравнимые темпы были у многих капиталистических стран в этот период¹¹, в США он составил в «развитый период» 5,5%¹², что действительно можно считать экономическим чудом для этого времени. Другое обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание, оценивая этот рост, состоит в том, что он пришелся на повышательную волну мирового экономического цикла, в отличие от 1860–1870-х и частично 1880-х годов, пришедшихся на понижательную волну мирового экономического цикла¹³. Для России, с ее огромной ролью сельского хозяйства в экономике, особенно большое значение имело прекращение аграрного кризиса 70–80-х годов и значительное повышение мировых цен на сельскохозяйственные продукты, особенно зерно¹⁴. Этот конъюнктурный внешний фактор чаще всего упускается из виду при анализе ускорения экономического развития России в этот период. Его можно сравнить с влиянием повышения мировых цен

¹⁰ Мельянцеv В. А. Россия за три века: экономический рост в мировом контексте // Общественные науки и современность. 2003, № 5, с. 87 (на основе темпов роста населения и подушевого ВВП).

¹¹ Данные о динамике ВВП в основных странах и регионах мира в этот период содержатся в фундаментальной работе Ангуса Мэддисона «Мировая экономика».

¹² Грегори П. Экономический рост российской империи (конец XIX – начало XX века). Новые подсчеты и оценки. М., 2003, с. 61–62.

¹³ Рязанов В. Т. Указ. соч., с. 54.

¹⁴ Лященко П. И. История народного хозяйства, т. 2. М., 1956, с. 86–87, 415.

на нефть на развитие советской и российской экономики в 70-годы XX века и в начале XXI века. Другое обстоятельство, которое необходимо учесть при оценке величины этих темпов, состоит в том, что страны догоняющего развития имеют возможность использовать технические и организационные возможности, а нередко и капитал лидеров модернизации, что облегчает их экономический рост. В России к этому добавляются большие резервы трудовых и природных ресурсов. В данный период вместе с Россией в современный экономический рост вступил еще целый ряд стран¹⁵, – например, все скандинавские страны. У них всех (включая Финляндию) рост душевого ВВП в этот же период был намного выше, чем у России¹⁶.

Таблица 3 позволяет выявить и другие характеристики этого самого успешного периода в развитии экономики России. Во-первых, некоторое снижение среднегодовых темпов роста ВВП во второй период. Здесь сказался самый продолжительный и тяжелый в капиталистическом мире экономический кризис 1901–1903 годов, отразивший высокую неустойчивость российской экономики, и революция 1905 года. Во-вторых, в этот период произошло драматическое уменьшение доли интенсивных факторов. Если их роль в первом периоде была на уровне вновь модернизирующихся стран, то во втором периоде – намного ниже¹⁷. Если снижение среднегодовых темпов можно отнести частично к внешним факторам, то аномально низкие величины доли интенсивных факторов к ним не имели отношения. Это также свидетельствовало о слабости и неэффективности российской экономики этого периода.

Более широкий, всемирный контекст места России в мире по объему ВВП в этот период представлен в таблицах 4 и 5.

Таблица 4 демонстрирует сильные и слабые стороны российской экономики в сравнении с другими странами и регионами. Сильные – в сравнении со странами Азии и Африки. В отличие от них, доля России в мировом ВВП росла. Быстро росло и ее население, поскольку России благодаря территориальным приобретениям была свободна от мальтузианского ограничения ее роста. Сумела она, в отличие от них, сохранить и свою политическую независимость благодаря огромному вниманию, уделяемому вооруженным силам и военной промышленности, и, конечно, главное – начавшейся еще при Петре I модернизации общества, в отличие от государств Азии и Африки, где она началась намного позже, за пределами данного периода. Примерно так же росла доля стран Восточной Европы, часть которых начала процесс мо-

¹⁵ Рязанов В. Т., указ. соч., с. 63.

¹⁶ Там же, с. 148.

¹⁷ V. A. Meliantsev. Three Centuries of Russian Endeavors to Surpass the East and Catch up with the West: Trends, Factors, and Consequences. Working Papers, p. 47. The Havighurst colloquium in Russian and Post-Soviet studies. Miami University, Oxford, Ohio. March 2002.

<http://www.units.muohio.edu/havighurstcenter/conferences/documents/papers/THREE%20CENTURIES%20OF%20RUSSIA'S%20ENDEAVORS.pdf>

дернизации в составе Российской империи (Польша, Финляндия), другие – в составе Австро-Венгрии (Венгрия, Чехословакия)¹⁸.

Таблица 4

Доля отдельных стран и регионов в мировом ВВП в 1820–1913 гг. (%)

Страны и регионы	1820	1870	1913
1. Западная Европа	23,0	33,0	33,9
2. Восточная Европа	3,6	4,5	4,9
3. Бывший СССР	5,4	7,5	8,5
4. Бывший СССР / Западная Европа	23,5	22,7	25,0
5. США	1,8	8,8	18,9
6. Бывший СССР / США	300,0	85,2	45,2
7. Латинская Америка	2,2	2,5	4,4
8. Япония	3,0	2,3	2,6
9. Вся Азия (кроме Японии)	56,4	36,1	22,3
10. Африка	4,5	4,1	2,9

Источник: Angus Maddison. World Economy. Vol. 1. A Millennial Perspective. OECD, 2001. Vol. 2. Historical Statistics. OECD, 2003, p. 641.

Расчеты соотношения ВВП России с Западной Европой и США мои. – Авт.

В то же время по отношению к Западной Европе ее доля выросла лишь незначительно, а по отношению к США с 1820 года катастрофически упала. Заметно быстрее, чем у России, росла доля в мировом ВВП стран Латинской Америки. По отношению к Японии относительный рост ВВП за весь период был больше, а после 1870 года – практически таким же. Примечательно, что в 1820–1870 гг. доля России в мировой экономике выросла, даже с учетом разницы в длительности периода, больше, чем в последующий период, в связи с более быстрым ростом после 1870 года доли США.

Более точно и полно многие особенности развития российской экономики отражены в таблице 5.

¹⁸ Процесс модернизации в некоторых странах Восточной Европы начался раньше, чем в России. Так, намного раньше в некоторых из них появились университеты, политические партии и парламенты.

Таблица 5

**Душевой ВВП по странам и регионам в 1820–1913 гг.
(в долларах США 1990 года)**

Страны и регионы	1820	1870	1913
1. Западная Европа	1204	1960	3458
2. Восточная Европа	683	937	1695
3. Бывший СССР	688	943	1488
4. Бывший СССР / Западная Европа в %	57,1	48,1	43,0
5. США	1257	2445	5301
6. Латинская Америка	692	681	1481
7. Япония	669	737	1387
8. Азия (за исключением Японии)	577	550	658
9. Африка	420	500	658
Весь мир	667	875	1525

Источник: Angus Maddison. World Economy. Op. cit., p. 642.

Расчеты соотношения бывшего СССР и Западной Европы мои. – *Авт.*

Таблица 5 показывает, что в течение почти века относительное отставание России от Западной Европы росло. В 1870–1913 гг. оно лишь несколько замедлилось в своем падении (с учетом разницы в продолжительности периода). Еще больше выросло отставание от США. На неизменном уровне сохранялось соотношение со странами Латинской Америки (по наиболее передовым из них – оно выросло в их пользу по сравнению с Россией) и Восточной Европы. Таким же неизменным оно оставалось по отношению к Японии. Вместе с тем значительно увеличился разрыв в пользу России по отношению к Азии (без Японии) и Африке. Россия по душевому ВВП оказалась посередине между Европой и США, с одной стороны, и Азией и Африкой, с другой стороны. Здесь также сказалось более раннее начало модернизации. Но главными ее соперниками и ориентирами в XIX веке были те или иные европейские страны. В абсолютных величинах отставание России от Западной Европы по душевому ВВП выросло в долларах 1990 года с 517 в 1820 году до 1017 в 1870 году и 2060 в 1913 году. Если в 1820 году Россия была по этому показателю еще в одной весовой категории с Западной Европой, то в 1913 году – в другой, более низкой. По подсчетам МВФ, в 1900 году из 42 стран мира Россия по душевому ВВП входила в первые 20 стран снизу. Ее опережали не только все страны Западной Европы, но и такие восточноевропейские страны, как Финляндия, Венгрия и бывшая Чехословакия,

и такие страны Латинской Америки, как Чили и Аргентина. У нее был уровень душевого ВВП в этом году на уровне среднего по миру¹⁹.

Период после отмены крепостного права, особенно 1890–1913 годы, в отличие от предыдущего периода, был периодом крупнейших, но запоздалых структурных сдвигов в экономике. Наиболее важными из них был рост удельного веса в экономике промышленности и современного транспорта. Именно в этот период была создана в России тяжелая промышленность. Такая ее современная отрасль, как нефтяная, одно время (в начале XX века) была даже самой крупной в мире. Были созданы, в дополнение к текстильной промышленности, значительная для того времени угольная промышленность и черная металлургия, некоторые отрасли химической промышленности и относительно более простые отрасли машиностроения (сельскохозяйственное и железнодорожное машиностроение). Это были отрасли второго технологического уклада, созданные с большим опозданием по сравнению с Западной Европой и преимущественно иностранным капиталом. Очень слабыми по объективным причинам оставались отрасли третьего технологического уклада, возникшие в этот период в небольшом масштабе из-за отсутствия предпосылок для их развития. Крупнейшим событием, оказавшим огромное влияние на все стороны российской экономики и ее мобилизационные способности, явилось создание огромной сети железных дорог, преимущественно в Европейской части России, но также и одной самой крупной (Транссиб) в Азиатской части.

Внушительный абсолютный рост промышленности в этот период сопровождался гораздо менее заметным ростом ее удельного веса в мировом промышленном производстве и особенно в производстве продукции обрабатывающей промышленности на душу населения.

Эти показатели представлены в таблицах 6 и 7.

Очевидно возрастание доли России в мировой обрабатывающей промышленности в отличие от стран третьего мира, где она неуклонно падала в связи с низкой конкурентоспособностью и подавлением ее колонизаторами. Модернизация общества позволила сохранить национальную независимость и минимальную конкурентоспособность. Гораздо хуже относительное положение России в этой отрасли по отношению к США и Западной Европе. Этот показатель быстро падает до 1880 года и растет после 1880 года. По отношению к Соединенному Королевству, Франции, Австро-Венгрии и Италии он вырос, а по отношению к Германии – значительно снизился и катастрофически упал по отношению к США. Снижалось и место России по отношению к другим странам Западной Европы. Если в большой Европе (включаяющей Россию) в 1830 году она занимала второе место, то в 1860 году – третье и на нем же оставалась в последующий период, переместившись в мировом производстве на 4-е

¹⁹ Фридман Л. Китай, Россия и США: разные подсчеты – разные результаты // Россия XXI. 2006, № 6, с. 68–69.

Таблица 6

**Доля отдельных стран и регионов в мировой промышленной продукции
в 1830–1913 гг. (в %)**

Страны и регионы	1830	1860	1880	1900	1913
1. Европа в целом	24,2	53,2	61,3	62,0	(41,3)
2. Соединенное Королевство	9,5	19,9	22,9	18,5	13,6
3. Австро-Венгрия	3,2	4,2	4,4	4,7	4,4
4. Франция	5,2	7,9	7,8	6,8	6,1
5. Германия	3,5	4,9	8,5	13,2	14,8
6. Италия	2,3	2,5	2,5	2,5	2,4
7. Россия	5,6	7,0	7,6	8,8	8,2
8. Россия / Европа	23,1	13,1	12,3	14,2 (16,1)	(19,8)
9. США	2,4	7,2	14,7	23,6	32,0
10. Третий мир	60,5	36,6	20,9	11,0	
11. Китай	29,8	19,7	12,5	6,2	
12. Индия	17,6	8,6	2,8	1,7	

Источник: Р. Kennedy. Op. cit., p. 149, 202.

Примечание: В строке «Россия / Европа» приведено отношение российского показателя к показателю Европы (включая Россию) в 1900 году и 1913 году (в скобках) по сумме 6 крупнейших стран.

Таблица 7

**Подушевой уровень индустриализации (уровень обрабатывающей
промышленности Соединенного Королевства в 1900 году=100)**

Страны и регионы	1830	1860	1880	1900	1913
1. Западная Европа	11	16	24	35	
2. Соединенное Королевство	25	64	87	100	115
3. Австро-Венгрия	8	11	15	23	32
4. Франция	12	20	28	39	59
5. Германия	9	15	25	52	85
6. Италия	8	10	12	17	26
7. Россия	7	8	10	15	20
8. США	14	21	38	69	126
9. Япония	7	7	9	12	20
10. Третий мир	6	4	3	3	2
11. Китай	6	4	4	3	
12. Индия	6	3	2	1	

Источник: Р. Kennedy. Op. cit., p. 149, 200.

место после США. Такое место могло бы считаться даже вполне достойным, если бы не два обстоятельства: 1) задачи, стоявшие перед Россией, 2) состав отраслей, в которых практически не было отраслей третьего технологического уклада, в отличие от лидеров, где они были довольно широко представлены.

Более точное представление об относительном уровне развития обрабатывающей промышленности России в этот период дают данные о подушевом производстве обрабатывающей промышленности. Они представлены в таблице 7.

Таблица 7 показывает те же сильные и слабые стороны российской экономики, что и таблица 4. Уровень индустриализации оказался намного выше, чем в третьем мире, где он неуклонно снижался. В сравнении со странами Запада картина печальнее. Если в начале периода отставание от Запада (кроме Соединенного Королевства) было небольшим, то потом оно неуклонно росло. Россия как была на последнем месте среди крупнейших стран Европы, так и осталась к концу периода. Катастрофическим оказалось к концу периода ее отставание по этому показателю от США. В 1913 году Россия по уровню индустриализации не вышла даже на уровень Соединенного Королевства 1820 года. Все то же отставание почти на 100 лет, а в сравнении с другими передовыми странами Западной Европы – более чем на 50 лет.

Очевидно, что огромное влияние на развитие российской экономики оказывало развитие сельского хозяйства, в котором было занято большинство трудоспособного населения и производилась основная часть экспортной продукции и предметов потребления или сырья для их производства. Многие столетия в России урожайность сельскохозяйственных продуктов (прежде всего, главных из них – зерновых культур), в отличие от Западной Европы, оставалась неизменной и очень низкой – самой низкой в Европейской части Евразийского континента. В результате в конце XIX века по чистому сбору зерновых с 1 га (отношению к высеванному) Россия находилась на уровне Англии начала XIII века²⁰. Рост производства зерновых происходил исключительно за счет расширения посевных площадей, то есть экстенсивно, благодаря огромной территории страны и наличию свободных земельных площадей. Практически неизменным оставалось и душевое производство зерновых. Соответственно, почти не менялась и производительность труда при производстве зерновых культур²¹. Застойный характер производительности зернового хозяйства (в животноводстве положение было не лучше) определялся отсталыми земельными отношениями, низкой грамотностью сельского населения, мизерными финансовыми возможностями крестьянских хозяйств. Следовательно, минимальными были и возможности высвобождения трудовых ресурсов из сельского хозяйства для несельскохозяйственных занятий. Отсюда, также в отличие от Западной Европы, и незначительный рост доли го-

²⁰ В 1250–1499 гг. в Англии – 4,7 (Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986, с. 138), в России в 1891–1900 гг. – 4,79 (Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960, с. 148).

²¹ Струмилин С. Г. Указ. соч., с. 146–148.

родского населения, в том числе и занятого в образовании и здравоохранении. Для большей численности городского населения не было достаточных товарных ресурсов продовольствия. После 1861 года положение с производительностью труда в сельском хозяйстве изменилась к лучшему, но не сразу. В 1870–1880 гг. душевое производство в сельском хозяйстве, по расчетам американского экономиста Голдсмита, практически все еще оставалось неизменным²². Сами по себе отмена крепостного права и рост рыночных отношений в деревне не привели к росту этого показателя. Лишь в последующий период и душевое производство, и производительность труда в сельском хозяйстве заметно выросли. По расчетам Пола Грегори, с 1880 по 1905 годы наблюдался ежегодный рост душевого производства аграрного сектора на 1%²³. На этой основе им делается оптимистический вывод о перспективах не только сельского хозяйства России, но и всей российской экономики. Между тем следует разобраться, чем обеспечивался этот рост производительности труда, и поэтому – насколько он носил долгосрочный характер. Правда, по подсчетам П. Грегори, произошел очень заметный рост фондовооруженности: в 1890–1904 гг. на 2,7% ежегодно²⁴ при значительно меньшем росте сельского населения. Однако есть основания усомниться, что это был главный фактор роста производительности труда в сельском хозяйстве. Дело в том, что вследствие разницы климатических условий и обеспеченности земельными ресурсами существовала огромная разница в производительности труда между отдельными регионами страны (почти в 4 раза между крайними точками по крупным регионам Европейской части России)²⁵. Следовательно, только перемещение сельского населения из малоземельных и худших по климатическим и почвенным условиям районов в более благоприятные уже приводило к значительному повышению производительности труда, без ее роста внутри регионов. Это можно назвать экстенсивным ростом производительности труда, который имеет естественные границы (показательно, что даже в 1928 году посевные площади в Сибири лишь достигли уровня 1917 года). Важнейшую роль в подъеме сельского хозяйства России и его доходности в этот период играло завершение мирового аграрного кризиса 70-х – 80-х годов и быстрый рост цен на зерновые культуры. Если взять крупнейшего экспортера зерновых того периода – США, то цена одного бушеля пшеницы Red Winter № 2 на чикагской зерновой бирже выросла с 0,62 долл. в 1895 году²⁶ до 1,08 долл. в 1914 году²⁷. Этот рост цен положительно сказался и на всем развитии экономики: значение мировых цен на зерно в дореволюционной России было аналогично значению мировых цен на нефть для экономики СССР.

²² Грегори П. Указ. соч., с. 66.

²³ Там же, с. 34.

²⁴ Там же, с. 67.

²⁵ Струмилин С. Г. Указ. соч., с. 146.

²⁶ Мировые экономические кризисы 1847–1935. М., 1937, с. 226.

²⁷ Там же, с. 32.

Важнейшим фактором социально-экономического развития России в этот период явилось огромное аграрное перенаселение. Оно создалось преимущественно в Центральной России и Поволжье в результате роста сельского населения при неизменном объеме земельных площадей и ограниченных возможностях перемещения в другие местности (показательны ничтожные размеры эмиграции русского населения в США, в отличие от населения Прибалтики, Польши и еврейского населения) и в несельскохозяйственную сферу из-за ее медленного развития. К началу XX века величина аграрного перенаселения приняла колоссальные размеры и непрерывно росла. В начале века оно составило, по подсчетам правительственной «Комиссии 1901», 23 миллиона человек, а в 1913 году, по подсчетам известного советского исследователя аграрной экономики дореволюционной России А. М. Анфимова по той же методике, – уже 32 миллиона человек, или 56% всей рабочей силы деревни, куда включалось взрослое мужское население²⁸. Это население, обрабатывавшее ничтожные клочки земли, могло обеспечить своим семьям, даже с учетом доходов от отходничества части его, только голодное и полуголодное состояние (об уровне жизни во второй части статьи) и являлась огромной взрывчатой массой, неоднократно взрывавшейся в период восстаний и революций.

К указанным традиционным оценкам развития экономики следует добавить низкий уровень образования, науки и здравоохранения, несмотря на некоторый прогресс после отмены крепостного права и выдающиеся достижения отдельных русских ученых, инженеров и деятелей культуры. Достаточно сказать, что по продолжительности жизни Россия в 1913 году вышла лишь на уровень Германии, США и Японии 1800 года²⁹. Заслуживает исследования предположение Л. Фридмана, что по более всеобъемлющему показателю социально-экономического развития – индексу человеческого потенциала – место России в мире было бы еще ниже, чем по душевому ВВП³⁰. Этот показатель ретроспективно исчислялся, но я опушу его, чтобы не перегружать статью.

Таким образом, развитие экономики России после отмены крепостного права, при определенных достижениях, не смогло обеспечить решение накопившихся за многие столетия экономических и социально-политических задач. Разрыв России по душевому ВВП от Западной Европы возник между X и XV веками нашей эры. В 1820 году он был ниже уровня Западной Европы 1500 года³¹: отставание составило более 300 лет. Правящая элита царской России, озабоченная преимущественно личными интересами, прилагала совершенно недостаточные усилия для преодоления этого отста-

²⁸ Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. Том 2. М., 2011, с. 512.

²⁹ Мельянцева В. А. Указ. соч., с. 86.

³⁰ Фридман Л. Указ. соч. // Россия XXI. 2007, № 1, с. 75.

³¹ Фридман Л. Указ. соч. // Россия XXI. 2006, № 6, с. 85, на основе расчетов А. Мэддисона.

вания³². Очевидно, что в анализируемый период – при усилении международной конкуренции – здесь следовало предпринимать чрезвычайные усилия, прежде всего в ограничении доходов правящей верхушки. Этого не было сделано. Первая мировая война (а до этого русско-японская) выявила вопиющее отставание России во всех отношениях (даже в обеспечении традиционным вооружением) что и привело сначала к Февральской, а затем, при неспособности Временного правительства решить эти проблемы, и Октябрьской Революции. Задачу преодоления экономической и культурной отсталости России, в том числе и аграрного перенаселения, пришлось решать уже советской власти, но после потерянных в результате гражданской войны и восстановления дореволюционного уровня многих лет – в гораздо худших объективных условиях «конченой страны».

3. Уровень жизни населения

Отношение населения к власти определялось не средними показателями изменения ВВП или душевого ВВП, а его распределением между социальными слоями. Эта проблема в ее обобщающих количественных показателях, при всей исключительной ее важности, также, за единичными исключениями (несовершенные исследования С. Прокоповича и М. Колганова), прошла мимо российских и советских экономистов историков. Не дал таких оценок и Пол Грегори в своем обобщающем труде о предреволюционной российской экономике, ограничившись критическими замечаниями о предыдущих расчетах.

Очень краткая оценка этого показателя была мною уже дана на странице выше. Теперь наступило время сказать об этом более подробно. Я занялся этим вопросом в связи с книгой Б. Н. Миронова, который пытался доказать умеренный характер дифференциации доходов в предреволюционной России. По его подсчетам, в начале XX века децильный коэффициент составил лишь 5,8 – при якобы 309 в Англии (явное завышение) и 16–18 в США³³, где революции, тем не менее, не произошли.

Из-за ограниченности места я не привожу свои многочисленные критические замечания в отношении расчета Б. Н. Миронова и подробное изложение своего расчета, которые он проигнорировал, хотя эти материалы были опубликованы в ведущем статистическом журнале. За подробностями того и другого отсылаю читателя к этой

³² Вопиющее пренебрежение нуждами страны и населения со стороны даже прославляемой в значительной части нынешней российской исторической литературы Екатерины II показано в: Ханин Г. И. Экономика и общество в период правления Екатерины II: прогресс или застой? // Вопросы статистики. 2011, № 4.

³³ Миронов Б. Н. Причины русских революций. Имущественное неравенство // Родина. 2009, № 8, с. 52. Этот подсчет был им повторен в книге: Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2010.

статье³⁴. Отмечу только, что Б. Миронов не критически отнесся к оценкам Министерством финансов России доходов состоятельной части населения, которые были им преуменьшены, по позднейшим подсчетам выдающегося советского статистика А. Л. Вайнштейна, более чем в 6 раз (с наличием серьезной недооценки соглашался и Пол Грегори). После внесения подробно обоснованных в статье корректировок в расчет Б. Миронова в отношении размеров доходов 10% богатейшего и 10% беднейшего населения России децильный коэффициент оказывается равным 21,2 вместо 5,8 у Миронова³⁵. Децильный коэффициент – не идеальный показатель дифференциации доходов. Но расчет, результат которого приведен выше, позволяет утверждать, что большая часть населения России жила перед революцией в нищете, что связано и с низким душевым ВВП, и с чудовищно неравномерным его распределением. При таком уровне доходов у большей части населения были все основания для революции. Скорее, его можно упрекнуть в излишней продолжительной покорности.

4. Итоги социально-экономического развития России в последний дореволюционный период

В современной исторической литературе существуют противоположные оценки итогов экономического развития России в этот период: от крайне оптимистических до крайне пессимистических.

Из огромного числа тех и других выберу несколько наиболее интересных, с моей точки зрения, российских и западных.

Убеденным сторонником оптимистического взгляда на возможности дореволюционной экономики общества является Пол Грегори. Опираясь на свои экономические оценки, он делает следующий вывод: «с точки зрения технического статистического анализа, очень трудно представить, что результаты этого развития были бы более низкими по сравнению с советскими результатами. Россия в 1913 году имела огромный потенциал, представляла интерес для западных инвесторов и обладала набором основных институтов капитализма»³⁶. Близкие взгляды высказывает российский историк Борис Миронов в двухтомнике «Социальная история России», вышедшем в 2000 году, и в книге «Благосостояние населения и революции в имперской России», вышедшей в 2010 году.

Гораздо менее оптимистическую оценку высказывает крупный российский специалист по межстрановым экономическим сопоставлениям В. А. Мельянцева, являющийся, что важно, убежденным противником советского режима и командной экономики. Тем не менее, подводя итоги предреволюционного социально-экономического

³⁴ Ханин Г. И. Дифференциация доходов в дореволюционной России // Вопросы статистики. 2010, № 3, с. 75–79.

³⁵ Там же, с. 78.

³⁶ Грегори П. Указ. соч., с. 84.

развития, он пишет: «несмотря на некоторый прогресс в осуществлении модернизации, Россия в дореволюционный период так и не смогла начать процесс догоняющего развития по отношению к Западу. Более того, отставание по ряду показателей нарастало... Чтобы действительно встать на путь дальнейшего развития и осуществить переход к модели современного экономического роста, в XX веке в России необходимо было реализовать серию глубоких буржуазно-демократических, рыночно-ориентированных институциональных реформ, уменьшить острые социально-экономические диспропорции, создать предпосылки для наращивания не только обычных капиталовложений, но и инвестиций в человеческий капитал, а также резко активизировать инновационный потенциал. Однако, эти задачи, как мы знаем, не были решены»³⁷. Добавлю: и не могли быть решены. Слишком слабы политически и экономически были сторонники этих реформ в России.

Исключительный интерес представляют в этом плане взгляды выдающегося, на мой взгляд, по глубине экономического анализа досоветского и советского периода и пронизательности американского экономиста Роберта Аллена, изложенные в вышедшей относительно недавно книге «От крестьянского хозяйства к фабрике». Эта книга посвящена преимущественно советской экономике. Но одна (2-я) глава рассматривает экономический рост в дореволюционной России. Подводя ее итоги, Р. Аллен уже в самом начале книги в противовес Полу Грегори (и Владимиру Ленину) пишет: «в царской России отсутствовали социальные, правовые и экономические институты, которые теоретики экономического роста считают предпосылками капиталистического развития»³⁸. Вместо сильного частного предпринимательства, как на Западе, главной движущей силой предреволюционного экономического развития было государственное вмешательство с ограниченными возможностями. Вследствие этого «при отсутствии коммунистической революции и пятилетних планов Россия осталась бы столь же отсталой, как большинство стран Латинской Америки, да и Южной Азии»³⁹.

Анализ источников экономического роста в посткрепостной России, осуществленный Алленом, привел его к выводу, что они носили временный, конъюнктурный характер, поскольку были связаны преимущественно с развитием сельского хозяйства, обусловленным интеграцией в мировую экономику, железнодорожным строительством и ростом сельскохозяйственной производительности под влиянием этой интеграции и повышения цен на продукты сельского хозяйства, начиная с середины 1890-х годов⁴⁰. Сравнивая Россию с другими странами с преобладанием сельского хозяйства (Индия, Аргентина, Австралия и Канада), Аллен указывает на то, что, за исклю-

³⁷ Мельянцева В. А., ук. соч., с. 88.

³⁸ Robert C. Allen. *Farm to Factory*. Princeton, NJ, 2003, p. 16.

³⁹ *Ibid.*, p. 17.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 27.

чением Канады, они росли очень медленно до конца 1840-х годов⁴¹. Аллен отмечает, что после 1-й мировой войны, особенно в период «Великой депрессии», цены на пшеницу рухнули, а вместе с ними – и возможности роста стран с аграрной экономикой⁴². Это определило бы и резкое замедление железнодорожного строительства – важнейшего источника развития промышленности России⁴³. «Аргентина или даже Индия были более вероятными моделями будущего развития России, нежели Франция или Германия»⁴⁴.

5. Причины неудач в преодолении экономической отсталости

Проведенный анализ экономического развития России в предреволюционный период никак не свидетельствует о ее значительных экономических успехах и существенном повышении уровня жизни большей части населения. Для какой-нибудь латиноамериканской страны, находящейся вдали от центров международного соперничества, они были бы достаточными для обеспечения ее государственности и относительной социальной стабильности. Но Россия находилась в центре международного соперничества, и этих успехов не было достаточно ни для того, ни для другого (что и подтвердили две ее войны начала XX века).

Причины неспособности России в этот период преодолеть (и даже, как отмечал В. А. Мельянцева, начать преодолевать) экономическое отставание от Запада были во многом заложены в ее истории и географии. Учитывая суровый климат на большей части ее территории, огромные пространства, многонациональный и многоконфессиональный состав населения, наличие многочисленных соперников на международной арене, уже сохранение ею, в отличие от большинства стран Азии и Африки, государственной независимости являлось крупным достижением ее правящего класса и населения (правители России всегда придавали первостепенное значение укреплению обороны страны). Хорошо известно, что наиболее благополучные страны располагались в умеренном климате и вблизи от более дешевых водных коммуникаций. В то же время Россия обладала огромными (скорее потенциальными – большинство было разведано в советский период) запасами полезных ископаемых и в XIX веке – благодаря прежним успешным войнам Екатерины II – также плодородными землями на Юге страны. Они могли явиться основой некоторых конкурентных преимуществ.

Как было показано, отрыв Запада от России в экономическом и культурном отношении возник между X и XV веками, когда России пришлось отражать с огромными материальными и человеческими жертвами нашествие монголов и платить им дань. Впоследствии российское государство с большим или меньшим успехом прилагало

⁴¹ Robert C. Allen. *Farm to Factory*. Princeton, NJ, 2003, p. 34.

⁴² *Ibid.*, p. 34–35.

⁴³ *Ibid.*, p. 35.

⁴⁴ *Ibid.*

усилия для преодоления этого отставания. Но в экономике, как и в спорте, это очень трудно, а иногда и невозможно. В России экономическое развитие шло рывками: редкие периоды ускорения сменялись более длительными периодами относительно застоя. Поскольку ввиду слабости частного капитала основную ответственность за экономическое развитие несло государство, именно от его действия или бездействия зависело ускорение или замедление экономического развития.

Применительно к постсоветскому периоду я связывал экономические неудачи и провалы с наличием одновременно трех «уродиков»: государства, общества и бизнеса. Рискую вызвать гнев профессиональных историков дореволюционного периода, предположу, что в немалой степени это относится и к дореволюционной России. Видимо, недалек от истины был герой фильма «Доживем до понедельника», школьник-девятиклассник, в уста которого авторы сценария вложили утверждение, что после Петра I России не везло на царей. Во всяком случае, проведенный мною анализ экономических и культурных результатов правления прославляемой большей частью современных российских историков Екатерины II показал, что они были удручающими⁴⁵. Тогда, а не только в период Николая I, как это часто полагают, был упущен, возможно, последний шанс на сужение экономической и культурной отсталости. В предреволюционный период пришлось наверстывать «грехи» многочисленных неудачливых правителей России за несколько веков. Вина самодержавия за это отставание очевидна. Оно избавлялась от наиболее талантливых, но самостоятельных своих администраторов (Сперанский, из последнего периода – С. Витте и П. Столыпин). О проводившихся им экономических и политических реформах можно сказать: слишком мало и слишком поздно – с опозданием на многие десятилетия, когда вода уже подступала к горлу правящему слою. Это относится даже к столыпинской аграрной реформе, положительный эффект которой часто преувеличивается, исходя из ошибочно интерпретируемых данных о росте объема сельскохозяйственного производства в 1909–1913 гг. по сравнению с предыдущим периодом. Прав был А. М. Анфимов, полагая, что «прогресс был достигнут в результате главным образом действия климатических и ценовых факторов, в меньшей степени в результате реформы»⁴⁶. Но для их успеха требовалось время: «двадцать лет покоя», как думал сам П. Столыпин, а по расчетам Л. С. Дякина – 40 или 80 лет⁴⁷. Вот что значит начать реформы с опозданием на десятилетия!

Но при самодержавии не могла развиваться и общественная жизнь. Худосочные легальные партии после 1905 года и слабые в правах и в личном составе законодательные учреждения не могли компенсировать слабость исполнительной власти. Местное самоуправление, при всех его успехах, имело ограниченные возможности

⁴⁵ Ханин Г. И. Экономика и общество в период правления Екатерины II: прогресс или застой? // Вопросы статистики. 2011, № 4.

⁴⁶ Цит. по: Нефедов С. А. Указ. соч., с. 515.

⁴⁷ Там же, с. 546.

из-за слабой финансовой базы. Чуть лучше обстояло дело с отечественным предпринимательством. В рассматриваемый период основные достижения российской экономики были связаны с иностранными предпринимателями, создавшими основные отрасли тяжелой промышленности и банковскую систему. Р. Пайпс имел немалые основания писать применительно к России о «буржуазии, которой не было»⁴⁸. Отечественные предприятия чаще всего страдали от низкой организации производства и управления. Практически не было пользующихся мировым признанием брендов отечественной продукции. Минимальным был интерес к внедрению достижений отечественной науки и техники. Выдающиеся российские ученые и инженеры делали крупные открытия и изобретения, создавали опытные образцы, но они вызывали мало интереса у отечественных предпринимателей (очень похоже на постсоветскую Россию). Новые передовые организационные формы и здесь возникали с огромным опозданием. Так, кооперация, сыгравшая заметную положительную роль в экономике (например, в развитии сибирского маслоделия) получила большое развитие только после революции 1905 года. Иногда предпринимательская инициатива сдерживалась самодержавием. Так, многие годы российские предпринимательские организации настаивали на переходе от принятой в России разрешительной системы образования акционерных обществ к принятой на Западе явочной системе, но эти обращения десятилетиями отвергались правительством из-за опасения проникновения в правления акционерных обществ инородцев, преимущественно евреев (сами русские предприниматели этого не боялись)⁴⁹. Так тупой антисемитизм властей и их неверие в конкурентные способности русского народа сдерживали привлечение в экономику финансовых ресурсов и предпринимательских талантов.

⁴⁸ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993, с. 252.

⁴⁹ Борьба вокруг вопроса о явочной системе подробно описана в книге: Шепелева Л. Е. Акционерные компании в России. Л., 1973.